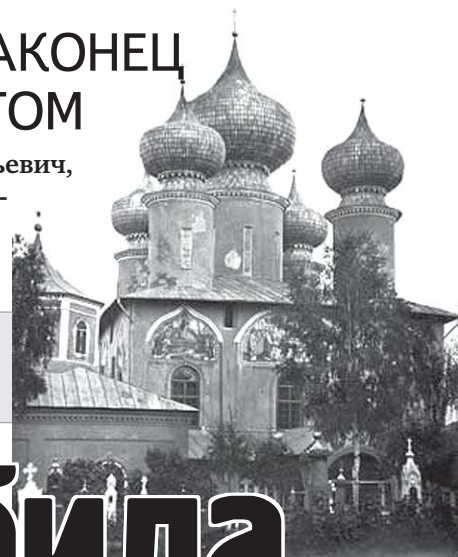

В ЯНВАРЕ 1747 ГОДА ИМПЕРАТОРСКИЙ ДВОР ПОСЕТИЛ НАКОНЕЦ БОГОРОДИЧНО-УСПЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ ПОД ПЕТЕРБУРГОМ

После крещенских праздников графу Разумовскому заметно полегчало — подагра прошла, и Алексей Григорьевич, к вящей радости Елизаветы Петровны, встал на ноги. Царица мгновенно вспомнила о своих богомольных намерениях, и свита приготовилась к недалекому вояжу по крепкому, хрустящему зимнику. Вскоре вельможи и фрейлины вольготно расселись в каретах и санных поездах.

Она меня чуть-чуть не погубила...

«От суеты, от мира отложиться...». Богородично-Успенская обитель в Тихвине. Сюда в 1747 году приезжали Елизавета Петровна и любознательная Фике.

1. И, ПОДХОДЯ КО ВСЕМ ИКОНАМ...

Путь к обители, заложенной еще при Иване Грозном, лежал через Шлиссельбург и Новую Ладугу. Согласно монаршей воле, все дамы обязаны были щеголять в собольих шапках, которые носили тогда женщины из мещанского сословия в провинциальных русских городах. У Фике — надо ж тому случиться! — сей полезный предмет пропал прямо в дороге. Как сквозь землю провалился. Однако камергер Николай Чоглоков тотчас раздобыл другой головной убор — краше прежнего. Судачили, по сходной цене у какой-то купчихи.

В Тихвине все направились в монастырь, где висела чудотворная икона Бо-

жией Матери. К разочарованию Кати, святой образ почти не просматривался на доске — настолько он потускнел и почернел от древности. Да и не диво: светозарный лик, по преданию, написал сам апостол-евангелист Лука, слышавший искусным живописцем. Впрочем, затененность образа не мешала инокам и гостям воспринимать его с неподдельной, искренней робостью, возносить молитвы и зажигать свечи. За столом государыня вдохновенно поведала своим спутникам, что свыше 130 лет назад, на исходе Смуты, этот пустынный уголок осадили шведские рати, но внезапно вспыхнувший небесный огонь

рассеял и изгнал супостатов. Они, не успев даже прихватить собственное имущество, бросили в панике дорогие столовые куверты и бежали восвояси. И по сей день, гордо добавила Елизавета, в обители хранят серебряные блюда полководца Якова Делгарди, покорявшего русские земли ради выгод своего короля. Присутствовавшие выслушали речь повелительницы с нескрываемым вниманием, хотя самих трофейных приборов, невзирая на просьбы Фике, им так и не показали...

По возвращении в Петербург Елизавета Петровна произвела очередную «перекройку» дворцовых апартаментов. Она

пожелала теперь расширить августейшие покои за счет деревянного флигеля, тянувшегося почти до рвов Адмиралтейской верфи. А великокняжескую чету перевели в старые комнаты, поселив под их окнами надзирательное семейство Чоглоковых. Только губернатор цесаревича князь Василий Репнин остался на прежнем месте. То было началом его отдаления от высочайшего питомца — бравому генерал-поручику не простили терпимого отношения к молодежному веселью. Чоглоковы и покровительствовавший им канцлер Бестужев-Рюмин умели настроить императрицу против неугодных себе лиц.

2. НАМЕРЕНЬЯ ЕДИНЫЙ ВИДИТ БОГ

Ну а Екатерина, давно понявшая, что на этом свете отнюдь не все можно изменить так, как хочется и мечтается, предалась своему привычному занятию — размышлению о бурной русской истории.

...Утром 8 августа 1689 года запыхавшаяся лошадь, на которой мчался во весь опор встревоженный царь Петр, остановилась, еле переводя дух, в воротах Троице-Сергиева монастыря — настоящей церковной твердыни, обнесенной восемью башнями и увенчанной куполами тринадцати божьих храмов. Здесь, к северу от Москвы, и была развернута главная база по борьбе с Милославскими. Сюда стекались воинские отряды, не хотевшие поддавать ни под власть женщины, ни под скипетр болезненного Ивана V. Они шли «в Троицу» не только ради завершения надевшей всем схватки за трон, но и во имя некоей психологической устойчивости: Петр, сын самодержца Алексея Михайловича и, возможно, в ближайшие месяцы отец новорожденного и жизнеспособного

престолонаследника, становился для них человеком-символом. Личностью, легитимно освящавшей все поступки и действия группы влиятельных фигурантов, которую подталкивала вперед вдовствующая монархиня Наталья Кирилловна и которой руководил князь Борис Голицын, двоюродный брат Софьиного фаворита князя Василия Васильевича.

Для русского православного самосознания Троицкий монастырь был не просто надежным прибежищем и несокрушимым форпостом. Он являлся светочем национальной памяти и очагом громких побед. Некогда создатель его преподобный Сергей Радонежский подвиг Дмитрия Донского на лютую сечу с Мамаем и даже послал с ним двух богатырей — Пересвета и Ослябю, покрывавших доспехи черной «потусторонней» накидкой. Гораздо позже, в Смуту, лет за восемьдесят до описываемых клановых распрей, иноческая братия, спасая родную землю и мощи святителя Сергия, отбила круглосуточные атаки

польской шляхты и помогавших ей изменников. И то обстоятельство, что обиженный недругами государь вынужден был укрываться в легендарных стенах, привлекало к Петру симпатии разных слоев и многих людей.

М-да, усмехнулась краешком губ Фике, упустили Софья с Василием подходящую минуту. Просветили и проспали: сражаться надлежало в те дни, когда конкурент ходил пешком под стол. Вот «кониший боярин» царя Феодора I Ивановича Борис Годунов — если все это, разумеется, правда-истина, а не лживые басни, — легко «разобрался» с последним отпрыском Ивана Грозного девятилетним царевичем Дмитрием, что жил на Волге, в Угличе, с матерью Марией Нагой. Разобрался — и концы в воду. Отворил себе дверь наверх. А то, что делала сладкая кремлевская парочка летом 1689-го (Катя опять усмехнулась), было по сути пуганием державного слона ребячьей трещоткой. Слон дрогнул, всполошился, но устоял.

3. УСИЛИТЬ БОЙ БЕСТРЕПЕТНЫХ СЕРДЕЦ...

«И дух смирения, терпения, любви...». Святейший патриарх Иоаким (1620 — 1690), глава Русской православной церкви, поддержавший царя Петра против правительницы Софьи.

Поняв, что ухарским натиском монастырь не взять, а полупустое Преображенское никому не нужно, Софья впала в прострацию. Она молча сидела в зале, окруженная понурыми и недоумевающими стрельцами. Принесли бумагу от Петра с требованием дать отчет о ночных сборах стрелецких полков в Кремле и на Лубянке. Софья командировала в обитель боярина Ивана Троекурова с «полюбовным» призывом к брату срочно вернуться в Москву. Ответ оказался на редкость крутым: всем войсковым начальникам предписывалось прибыть к 18 августа в монастырь — для доклада государю. Взыгнанная царевна в ярости «отменила» указ, пригрозив послушникам немедленной казнь. Потом слегка успокоилась и, ударившись в ноги патриарху, умолила предстоятеля поехать в Троицу с кротким церковным увещанием.

Этот шаг Софьи Алексеевны вряд ли можно назвать взвешенным и мудрым. Святейший Иоаким недолюбливал регентшу давно и серьезно. Во-первых, за «неприличные» женские амбиции, отрицавшие все старинные устои. Во-вторых, за то, что она внедрила на Руси — семь лет назад, по весне 1682-го, — хрупкое двоецарствие братьев-подростков Ивана и Петра. Внедрила, пренебрегая советами прозорливого духовного вождя о том, что единая власть суть превеликая пагуба. А потом еще устроила в Кремле, посреди народных святынь, кровавое побоище, невиданное со времен ордынских походов Батые и Тохтамыша. Русские убивали русских!

Тогда, в разгар свирепой резни, погиб многоопытный и сметливый боярин Артамон Матвеев, опекун государыни Натальи Кирилловны, матери Петра. Несчастный страдалец, он вечером 11 мая вернулся из ссылки, куда загнали его злые завистники, а утром 15-го безвинно пал под топорами и секирами стрелецких головорезов. Да он ли один! И все из-за капризов дерзкой, честолюбивой особы, не ведающей ни милости, ни закона. Архипастырь вздохнул. Нет, ставка на хворого и убогого Ивана ему, провидцу и жизнезнатцу, не по душе. Прикрыв веки, святейший потрел кучера за плечо: «Трогай!» Добрался до Троицы, послушал малиновый благовест, переговорил с Петром, царицей Натальей, князем Борисом, осенил крестной щепотью беременную Евдокию. Да и остался там, меж ликующих победителей...

«Господь, меня готовя к бою...». Троице-Сергиев монастырь (ныне Лавра). Преподобный Сергей Радонежский вдохновляет князя Дмитрия Донского на брань с Ордой (художник Алексей Кившенко, конец XIX века). Через три с лишним столетия тут в минуты невзгод и борьбы укрывался молодой Петр.